

Проблемы лингвофольклористики: костромские говоры

Людмила Александровна ДМИТРУК

ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет»
156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-1385>, e-mail: lyudmila-dmitruk@mail.ru

Issues of linguistic folklore studies: Kostroma dialects

Lyudmila A. DMITRUK

Kostroma State University
17 Dzerzhinsky St., Kostroma 156005, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-1385>, e-mail: lyudmila-dmitruk@mail.ru

Аннотация. Проанализирован ряд проблем лингвофольклористики, связанных с определением статуса языка фольклорных текстов в сравнении с общенациональным языком и диалектом. Язык костромского фольклора расценивается как наддиалектный в своей основе, но в то же время имеющий некоторые региональные черты, связанные с бытованием жанров устного народного творчества на определённой территории и обусловленные древними верованиями коренного населения региона. Специфика фольклорного регионально маркированного слова раскрывается в контексте художественных, публицистических и научных работ костромских писателей и краеведов конца XIX – XX веков (А.О. Аблесимов, Н.А. Некрасов, А.Н. Островский, С.В. Максимов, И.М. Касаткин, Е.В. Честняков, Н.Н. Виноградов, В.И. Смирнов, А.В. Громов и др.). В синхронно-диахронном аспекте на примере текстов А.О. Аблесимова, В.И. Смирнова, А.В. Громова раскрываются семантико-стилистические, структурные, функциональные особенности некоторых фольклоризмов, бытование которых характерно для большинства севернорусских говоров, в том числе костромских.

Ключевые слова: лингвофольклористика; севернорусские говоры; костромские говоры; фольклорная лексика; диалектная лексика; А.О. Аблесимов; В.И. Смирнов; А.В. Громов

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 18-012-00809 А «Диалектное исследование лексики и ономастика Костромского края».

Для цитирования: *Дмитрук Л.А.* Проблемы лингвофольклористики: костромские говоры // Неофилология. 2019. Т. 5, № 20. С. 429-435. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-429-435

Abstract. We analyse a number of issues of linguistic folklore studies related to determining the status of the language of folklore texts in comparison with the national language and dialect. The language of Kostroma folklore is fundamentally sub-dialect, but at the same time it has some regional features related to the existence of genres of oral folk art in a certain territory and due to the ancient beliefs of the indigenous population of the region. The specific features of a regionally marked word reveal themselves in the context of the artistic, journalistic and scientific works of Kostroma writers and local historians of the late 19th – 20th centuries (A.O. Ablesimov, N.A. Nekrasov, A.N. Ostrovsky, S.V. Maksimov, I.M. Kasatkin, E.V. Chestnyakov, N.N. Vinogradov, V.I. Smirnov, A.V. Gromov, etc.). The semantic-stylistic, structural, functional features of some folklorisms reveal themselves in the synchronic and diachronic aspect, the texts by A.O. Ablesimov, V.I. Smirnov, A.V. Gromov. The existence of these folklorisms characterize most North Russian dialects, including the number of Kostroma.

Keywords: linguistic folklore studies; North Russian dialects; Kostroma dialects; folklore vocabulary; dialect vocabulary; A.O. Ablesimov; V.I. Smirnov; A.V. Gromov

Acknowledgements: Article was prepared with financial support of Russian Foundation for Basic Research. Project no. 18-012-00809 A «Dialectic study of vocabulary and onomastics of the Kostroma Territory».

For citation: Dmitruk L.A. Problemy lingvofol'kloristiki: kostromskiye govory [Issues of linguistic folklore studies: Kostroma dialects]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 429-435. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-429-435 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Лингвофольклористика, сложившаяся в русской филологии как самостоятельное научное направление во второй половине XX века на основе трудов А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, А.П. Евгеньевой, И.А. Оссовецкого и затем получившая развитие в работах Л.И. Баранниковой, М.А. Бобуновой, Н.С. Ганцовской, А.В. Десницкой, С.П. Праведникова, А.Т. Хроленко и др., изучает язык устного народного творчества не только в этнолингвистическом аспекте «как средство постижения этнической ментальности и традиционно-культурных смыслов» [1, с. 24], но и с позиции диалектологии, как источник изучения локальных традиций народной культуры, выраженных посредством языка.

Ещё задолго до оформления лингвофольклористики как науки о ценности фольклорных данных для диалектолога говорили такие учёные, как А.А. Шахматов, Б.А. Ларин, А.А. Потебня, Ф.П. Филин и др. Поэтому в последние десятилетия в центре внимания исследователей находятся вопросы, связанные с выявлением особенностей языка фольклорных текстов, его отношения к общенациональному языку и народным говорам. И.А. Осовецкий определял язык устного народного творчества как «особую систему, имеющую очень сложный генезис» [2, с. 137]. В ряде работ отечественных лингвистов (А.П. Евгеньева, Л.И. Баранникова, П.Г. Богатырёв и др.) отмечается, что язык фольклора представляет собой функциональный стиль диалектного языка, то есть нечто вроде литературной, кодифицированной, обработанной народом формы существования диалекта. Однако в языке народно-поэтических произведений можно заметить много общерусских, наддиалектных признаков (напр., традиционные формулы – *жили-были, в некотором царстве, в некотором государстве*; диминутивы – *голубушка, лебедушка* и т. д.). О наддиалектном характере русского фольклора говорится в работах Р.И. Аванесова, Г.П. Князьковой, Ф.П. Филина, Л.П. Якубин-

ского и др. Это мнение поддерживается и представителями курской научной школы лингвофольклористики (М.А. Бобунова, С.П. Праведников, А.Т. Хроленко). Наддиалектность языка фольклора здесь понимают как совокупность таких специфических черт, как широкая распространенность и богатство устно-поэтического языка, максимальная устойчивость традиций. Существенными признаками при этом считаются обработанность, устойчивость ряда грамматических конструкций, фразеологизмов.

Отсюда основными проблемами современной лингвофольклористики в настоящее время являются: во-первых, выявление специфики языка фольклора и его отношения к народным говорам и общенациональному языку; во-вторых, трудность разграничения фольклорной лексики и диалектных единиц; в-третьих, решение вопроса о диалектной или наддиалектной основе языка устного народного творчества.

Диалект – это своеобразный микрокосм, частью которого может считаться язык устного народного творчества – особая языковая форма, сравнимая по степени значимости, обработанности, образцовости с литературным языком. Особенностью и диалекта, и языка фольклора является бытование только в одной речевой форме – устной. Однако именно она веками «подпитывала» литературный язык, и в итоге помогла обрести ему ту мощь и силу, которую мы наблюдаем в произведениях писателей-классиков XIX века.

Говоры Костромской области, представляющие собой особое языковое образование, в основном сложившееся на территории бывшего Ростово-Суздальского княжества, где зарождалась русская государственность, вырабатывались основные нормы литературного языка, являются относительно едиными в плане диалектных черт, обладают они общими чертами и в области фольклористики [3, с. 7-10].

Фольклорные тексты, собранные на территории Костромской области, а прежде Костромской губернии, отличаются богатством жанров – это песни, сказки, загадки, заговоры, причитания, пословицы и поговорки, приметы, обряды, позволяющие глубоко проникнуть в духовный мир народа, постичь его живой язык. Вместе с тем язык произведений устного народного творчества, записанных в Костромском крае, обладавая в целом общерусской основой, имеет свои особенности, которые позволяют квалифицировать тексты, как локально окрашенные. Проявляются эти признаки на всех уровнях языковой системы, но более всего на уровне лексики и фразеологии. В этом отношении показательны работы костромских краеведов конца XIX – XX веков (труды Н.Н. Виноградова, В.И. Смирнова – членов Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК), А.Н. Громова и др.), а также произведения писателей, творческая биография которых связана с костромской землёй (А.О. Аблесимов, Н.А. Некрасов, А.Н. Островский, С.В. Максимов, И.М. Касаткин, Е.В. Честняков и др.).

В тексте одного из самых популярных и до сего дня драматических произведений XVIII века, комической опере «Мельник-колдун, обманщик и сват» писателя А.О. Аблесимова, уроженца Галичского уезда Костромской губернии, находим множество фольклорных элементов, которые являются общерусскими в своей основе (*белый свет, добрый молодец, красна девица, крепкая дума; путь-дорога, дело делать, пир пировать* и др.), но во всём многообразии устойчиво функционируют лишь в северновеликорусской языковой среде, где свободно сочетаются с региональными единицами всех уровней языка (*гнедко, здесь, окаянной, плат, поперег, разгадати, савраско, сильной* и др.).

Рассмотрим устойчивое сочетание *придумать пригадать* из пьесы А.О. Аблесимова, характерное по своей структуре для фольклорных текстов: «*Филимонъ. Ну! инъ быть такъ, правду молвить: я прибріоль бола к тебъ кручину свою размыкать, придумай пригадай мнѣ, я задумалъ доброй молодецъ жениться, и пришла мнѣ одна красная девица по обычю...*» [4, с. 15-16]. В комедии оно употребляется в значении 'придумать,

найти выход из сложной ситуации', что подтверждается контекстом: Филимон не может жениться на возлюбленной, так как её родители не могут «сговориться», за кого им отдать дочь. В произведениях фольклора подобные сочетания частотны и образуются либо за счёт корневого повтора (*дело делается, сказка сказывается, думу думать, пир пировать* и др.), либо за счёт повтора слов-синонимов (*подобру-поздорову, путь-дорога, птица чёрный ворон, царство-государство* и др.). Один компонент в составе данного сочетания – *придумай* – расценивается носителями языка как стилистически нейтральная общеупотребительная единица со значением 'догадаться, сделать что-л., найти какое-л. решение, выход из создавшегося положения' [5, т. 3, с. 406], а другой – *пригадать* – явно имеет локальную отнесённость. В СРНГ встречаем глагол *пригадать* в значении 'то же, что пригадывать', то есть 'придумывать, находить выход из какого-либо положения'¹. Здесь же приводится пример употребления лексемы в составе фольклорных текстов, записанных большей частью в зоне бытования севернорусских и центральных говоров, но также и южнорусских диалектов, на что указывают географические пометы: «*Сестрицы, мои подруженьки! Придумайте мне, пригадайте, Как же мне идти во чужи люди?* (свадебн. песня)» Твер.<ское>, Ленингр.<адское>, Костром.<ское>; «*Стали пригадывать, кому на мосту ночевать* (сказка)» Смол.<енское>; «*Молодому пригадаю, горшок каши замешаю*» Брян.<ское>, Курск.<ое>, Тамб.<овское>, Сиб.<ирское>². Отсюда следует, что устойчивое сочетание *придумать пригадать* входит в современный диалектный узус.

В этнографических записках В.И. Смирнова «Народные похороны и причитания в Костромском крае» [6] содержится большое количество лексических диалектизмов, специфических для региона, отражающих материальную и духовную стороны жизни народа. В данной работе значительное внимание уделяется приметам, малому фольклорному жанру, отражающему древнейшие верования,

¹ [СРНГ] – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–50. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2018. Вып. 31. С. 156.

² Там же.

распространённые на территории Костромской губернии конца XIX – начала XX века.

Рассмотрим одну из примет, тематически связанных с пограничным состоянием больного, между жизнью и смертью, когда ожидается его скорая кончина. В.И. Смирнов пишет: «Когда больной умирает, как говорят здесь, «пашется», в доме наблюдают тишину, чтобы «не измешать» покойника, в противном случае он промаётся ещё 12 суток» [6, с. 26]. Приводится здесь и отсылка к географии распространения данной приметы – с. Баки, Варн.<авинский> у.<езд>. Примечательно, что автор исследования обращает внимание на регионализмы и помещает их в кавычки.

Слово *пахаться*, употреблённое в записях В.И. Смирнова в форме *пашется*, в СРНГ описывается как многозначное, а в списке значений приводится семантика ‘метаться, томиться, испытывать предсмертные страдания, не находя себе места’³. Здесь же даются пометы, указывающие на ареал распространения слова – Костром.<ское>, Ветл.<ужское>, что говорит о бытовании лексемы в севернорусских говорах. Данное слово, судя по записям В.И. Смирнова, временной отметке в СРНГ (1898 г.) и отсутствию там иллюстративного материала, было активно в северновеликорусских говорах в конце XIX – начале XX века. Однако современными диалектными словарями лексема не фиксируется, что, возможно, является свидетельством архаизации слова в рассматриваемом значении, а также утраты приметы, то есть мифологического контекста.

Слово *измешать* в записях В.И. Смирнова имеет значение ‘помешать, нарушить покой’. Данная лексема зафиксирована в СРНГ с семантикой ‘помешать кому-либо’. Здесь же приводится иллюстративный материал – приметы: «При родимчике у детей более всего боятся измешать и говорят, пусть сыыает» Черепов.<ецкое>, Новг.<ородское> Герасимов 1910. Второй пример употребления взят явно из анализируемой нами работы В.И. Смирнова без указания на источник, но с географической пометой Костром.<ское>: «Чтобы не измешать покойника (то есть не

³ [СРНГ] – Словарь русских народных говоров ... Вып. 25. С. 290.

помешать умирать»⁴. Однако, судя по последней иллюстрации значения в СРНГ, глагол *измешать* в настоящее время уже не всегда связан с сакральной тематикой, а входит в севернорусский диалектный узус без каких-либо стилистических ограничений, например, в говорах позднего заселения: «Да мне Колька измешал» Свердл.<овское>⁵.

Следует отметить, что лексемы *пахаться* и *измешать* не зафиксированы в словаре В.И. Даля, хотя их бытование в хронологическом плане соотносится с деятельностью лексикографа и «собирателя живого народного языка». Возможно, произошло так потому, что уже в XIX столетии описываемая нами лексика расценивалась носителями языка как узколокальная. В.И. Даль же основной своей задачей, как сказано в Напутном слове, считал «подорожить народным языком и выработать из него язык образованный» [7, I, с. 9], то есть собрать в своём труде народные слова и выражения, которые могли бы составить основу нормированного литературного языка.

А.В. Громов в иллюстративный материал словарных статей созданного им словаря «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» [8] включает немалое количество фольклорного материала (лексика и фразеология), сопровождающего обрядовые действия, сопряжённые с льноводством, прядением, ткачеством как трудовыми процессами, а также словами и выражениями, относящимися к исконно обрядовым номинациям, но впоследствии развившимися переносные значения. Данные единицы подаются в словарной статье к стержневой для устойчивого сочетания лексеме, например, *веретено* – *напрясть на кривое веретено; наво’й – ехать в крёстные (в кумовьё, в сватья, в свахи, на свадьбу), прясть – прясть на шесть деревень, на съёмое село* [9], или приводятся в качестве иллюстрации к значению заголовочного слова, например, *кикимора – кикимора сидит в гобце под помелом, мало нарядёшь – пряжу спутаёт* и др.

В словаре А.В. Громова в словарной статье к многозначному слову *кики’мора* указываются два значения. Первое из них – ‘В на-

⁴ Там же. Вып. 12. С. 145.

⁵ Там же.

родных поверьях род домового. Днём он сидит невидимкою за печкой, а ночью прядёт, проказит с веретеном и прялкой' – употребляется на территории костромского Поунжья повсеместно (о чём говорит соответствующая помета в словаре – *Повсем.<естно>*). Данная лексема фигурирует в приметах, связанных с прядением, ткачеством, и часто имеет отрицательную коннотацию: «*Слышала от мамы: кикимора сидит в гобце под помелом, мало нарядёшь – пряжу спутаёт*» *Мант.<уровский район> Елиз.<арово>* [8, с. 53]. Иллюстрация из словаря А.В. Громова свидетельствует о том, что слово *кики'мора* включено в костромской диалектный речевой обиход, о чём говорят и некоторые лексические и фонетические особенности приведённого контекста: *гобец* – 'деревянная пристройка к русской печи в виде высокой лежанки, обычно с дверцей, ведущей на лестницу в подполье' [10, с. 73]; *спутаёт* – ударное ёканье, то есть переход *e* в *o* перед твёрдым согласным в окончаниях глаголов.

В указанном выше значении слово *кики'мора*, функционирующее в костромских говорах, соотносится с именованьем восточнославянского мифологического персонажа. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечено, что кикимора или шишимора – это «рус. и бел. женский мифологич. персонаж, обитающий в жилище человека, приносящий вред, ущерб и мелкие неприятности хозяйству и людям» [11, с. 494]. Здесь же приводится указание на преимущественное употребление слова в севернорусском узусе. Так, описывая основные признаки кикиморы, авторы словаря подчёркивают её связь с прядением, шитьём: «По ночам она играет с прялкой, веретеном и пряжей (ярослав.), может допрясть за хозяйку, но чаще

рвёт, мусолит и путает шерсть, жжёт кудель, оставленную на ночь без благословения (новгород., вологод., бел.). Прядёт К.<икимора – Л. Д.> на голбце, постоянно подпрыгивая, при этом сучит нить не слева направо, а наоборот (костром.)» [11, с. 495].

Второе значение слова *кики'мора* в словаре А.В. Громова – 'о человеке, который всё время сидит за работой, особенно за прядением, домосед, нелюдим' – является вторичным, переносным: «*Ты всё, кикимора, дома сидишь, прядёшь и гулять не идёшь*» *Мак.<арьевский район> Ник.<Никулино>* [8, с. 53]. В СРНГ лексема *кики'мора* – полисемант, имеющий одиннадцать значений, большинство которых имеют общую сему 'характеристика человека по внешности, чертам характера, поведению', функционирующий, по данным словаря, и в других севернорусских говорах, в том числе и костромских⁶.

Лексема *кики'мора*, по своему генезису восходящая к восточнославянским поверьям, является севернорусской по происхождению и бытованию, однако, в некотором отношении её можно считать специфичной для костромских говоров.

Таким образом, язык фольклорных текстов, собранных на территории Костромской области, имеет и общерусские черты, и локально приуроченные вкрапления, свидетельствующие о местных традициях в языке фольклорных жанров, что способствует выявлению типологии костромских говоров и более полной их характеристике в этнолингвистическом плане.

⁶ [СРНГ] – Словарь русских народных говоров ... Вып. 13. С. 205.

Список литературы

1. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта: Наука, 2006. 184 с.
2. Оссоветацкий И.А. Язык современной русской поэзии и традиционный фольклор // Языковые процессы современной русской художественной литературы: Поэзия / отв. ред. А.Д. Григорьева. М.: Наука, 1977. С. 128-185.
3. Ганцовская Н.С. Костромские говоры: в 2 т. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. Т. 1. 224 с.
4. Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват в трёх действиях. Соч. А. Аблесимовым. Спб.: Типография Императорского Московского университета, 1792. 56 с.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988.
6. Смирнов В.И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Отдельный оттиск из 15 вып. «Трудов КНОИМК». Кострома, 1920. С. 21-26.

7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
8. *Громов А.В.* Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Кострома: Инфопресс, 2012. 118 с.
9. *Дмитрук Л.А.* Фольклорно-обрядовая лексика в костромских говорах (на материале словаря А.В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже») // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 2. С. 190-193.
10. *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Москва: Книжный клуб Книгоvek, 2015. 512 с.
11. *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого; Рос. акад. наук, Ин-т славяновед. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2. 697 с.*

References

1. *Khrolenko A.T. Osnovy lingvokul'turologii* [Basic Principles of Linguoculturology]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. (In Russian).
2. *Ossovetkiy I.A. Yazyk sovremennoy russkoy poezii i traditsionnyy fol'klor* [The language of modern Russian poetry and traditional folklore]. *Yazykovye protsessy sovremennoy russkoy khudozhestvennoy literatury: Poehziya* [Linguistic Processes of Modern Russian Fiction: Poetry]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 128-185. (In Russian).
3. *Gantsovskaya N.S. Kostromskie govory: v 2 t.* [Kostroma Dialects: in 2 vols.]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2018, vol. 1, 224 p. (In Russian).
4. *Ablesimov A. Komicheskaya opera Mel'nik, koldun, obmanshnik i svat v tryokh deystviyakh* [Comic Opera Miller, Sorcerer, Trickster and Matchmaker in Three Acts]. St. Petersburg, Imperial Moscow University Typography, 1792, 56 p. (In Russian).
5. *Evgenieva A.P. (ed.). Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988. (In Russian).
6. *Smirnov V.I. Narodnye pokhorony i prichitaniya v Kostromskom krae* [Folk funeral and lamentations in the Kostroma region]. *Otdel'nyy ottisk iz 15 vyp. «Trudov KNOIMK»* [Separate Print of 15th Issue of “Proceedings of KNOIMK”]. Kostroma, 1920, pp. 21-26. (In Russian).
7. *Dal V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, OLMA-PRESS, 2003. (In Russian).
8. *Gromov A.V. Slovar'. Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskikh govorakh po reke Unzha* [Dictionary. Vocabulary of Flax Growing, Spinning and Weaving in Kostroma Dialects on the Unzha River]. Kostroma, Infopress, 2012. (In Russian).
9. *Dmitruk L.A. Fol'klorno-obryadovaya leksika v kostromskikh govorakh (na materiale slovyara A.V. Gromova «Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskikh govorakh po reke Unzhe»)* [Folklore-ritual vocabulary in Kostroma dialects (as exemplified on the material of A.V. Gromov's dictionary “Vocabulary of flax growing, spinning and weaving in Kostroma dialects on the Unzha River”)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Nauchno-metodicheskiy zhurnal* [Bulletin of Kostroma State University. Scientific and Methodological Journal], 2018, vol. 24, no. 2, pp. 190-193. (In Russian).
10. *Gantsovskaya N.S. Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi* [Dictionary of Dialects of the Kostroma Volga Region: Interfluvium of Kostroma and Unzha River]. Kostroma, KSU named after N. A. Nekrasov Publ., Moscow, Book Club Knigovek, 2015, 512 p. (In Russian).
11. *Tolstoy N.I. (ed.). Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, 697 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дмитрук Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности. Костромской государственной университет, г. Кострома, Российская Федерация. E-mail: lyudmila-dmitruk@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ фольклорных текстов, словарных статей, работ лингвистов, художественных текстов, написание статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-1385>

Поступила в редакцию 20.08.2019 г.

Поступила после рецензирования 27.09.2019 г.

Принята к публикации 21.10.2019 г.

Information about the author

Lyudmila A. Dmitruk, Candidate of Philology, Associate Professor of Pedagogy and Individual Acmeology Department. Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation. E-mail: lyudmila-dmitruk@mail.ru

Contribution: study conception, folklore texts, dictionary articles, linguistic studies, literary texts analysis, manuscript drafting.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-1385>

Received 20 August 2019

Reviewed 27 September 2019

Accepted for press 21 October 2019